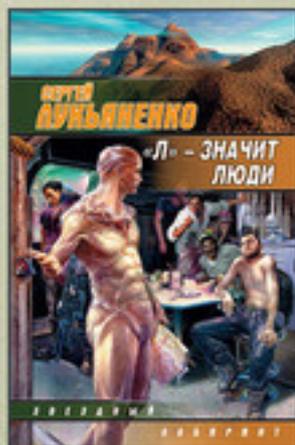

Сергей Лукьяненко

Почти весна

Часть сборника
«Л» – значит люди (сборник)

Прекрасное далеко

Сергей Лукьяненко

Почти весна

«АСТ»

1995

Лукьяненко С. В.

Почти весна / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 1995 — (Прекрасное далеко)

«За толстым холодным стеклом умирала зима. Влажные бесформенные снежинки падали на черную землю клумб, на мокро отблескивающий в свете фонарей асфальт, на торопливые фигурки прохожих. Вдали, за частоколом сосен, белыми гребнями рябило море. На Балтике штормило третий день...»

© Лукьяненко С. В., 1995

© АСТ, 1995

Сергей Лукьяненко

Почти весна

За толстым холодным стеклом умирала зима. Влажные бесформенные снежинки падали на черную землю клумб, на мокро отблескивающий в свете фонарей асфальт, на торопливые фигурки прохожих. Вдали, за частоколом сосен, белыми гребнями рябило море. На Балтике штормило третий день.

Краем глаза я видел мужчину, сидящего метрах в пяти. Уж слишком старательно он пытался не смотреть на меня...

Когда-то я не любил таких, как он, – нерешительных и настойчивых одновременно. Их появление означало неизбежные просьбы и не менее неизбежный отказ. Но сейчас предстоящий разговор не вызывал никаких эмоций. У мужчины могла быть тысяча причин искать встречи со мной. А у меня – лишь одна причина находиться в зале ожидания регионального генетического центра.

Зал был большим – горькая предусмотрительность строителей. Но обилие модных скульптур из цветного стекла, тропических растений, тянувшихся от пола до прозрачного потолка, огромных аквариумов с яркими рыбками делало его почти уютным. Тихая музыка заглушала голоса, неяркий свет смазывал лица. Здесь не принято говорить громко, здесь не принято узнавать знакомых. Тут не плачут от горя и не смеются от радости. Здесь просто ждут.

– Ваш талон, пожалуйста. – Девушка в зеленой форме подошла к моему креслу.

Я протянул ей маленький белый прямоугольник. Никаких имен, лишь десятизначный номер и фотография.

– Ваш результат. – В мою ладонь лег запечатанный конверт с тем же номером, что на талоне. – Удачи вам.

Я кивнул. Слова девушки – формальность, заученная формула вежливости. Но как она мне нужна сейчас, удача... Хотя бы чуть-чуть удачи. Маленький зеленый штампик на листе гербовой бумаги в конверте.

– Спасибо, – вполголоса сказал я. – Спасибо...

И надорвал плотный конверт – осторожно, по самому краю, как делали до меня миллионы, сотни миллионов людей.

Лист был слишком большим для тех нескольких строчек, которые отпечатал на нем сегодня утром диагностический компьютер. Да и немудрено – в толще бумаги запрессовывались пленочные микросхемы, которые надежнее всех печатей и водяных знаков предотвращали подделку.

Михаил Кобрин, 18 лет.

Соматически здоров. Экспериментальная мутация на эмбриональной стадии типа ОЛ-63 с положительными результатами. Генотип – 81 % чистых, 19 % слабонегативных. Желтый штамп.

Екатерина Новикова, 16 лет.

Соматически здорова.

Генотип – 67 % чистых, 32 % слабонегативных, 1 % средненегативный.

Желтый штамп.

Взаимная генетическая совместимость:

Совпадение рецессивных негативных генов по типу ЦМ-713.

Абсолютные противопоказания.

Возможность оперативной терапии – 0 %.

Красный штамп.

Он стоял ниже – этот самый красный штамп с надписью: «Запрет. Генетический контроль».

Я сжимал в руках свой приговор, словно собирался разорвать его или скомкать и кинуть кому-нибудь в лицо. Например, мужчине, который подходил ко мне с напряженной, сочувственной полуулыбкой...

– Красный штамп, Миша?

Я не кинул в него заключением генетиков. Я беспомощно кивнул. И тут же, проклиная себя за эту беспомощность и желание разреветься, сказал:

– А вам-то какое дело? Кто вы такой?

– Тот, кто может помочь. – Он присел на корточки передо мной, сгорбившимся в мягком низком кресле. – Зови меня Эдгар.

– Мне нельзя помочь, – сказал я с прорывающейся яростью. – Я люблю девушку, с которой генетически несовместим. У нас никогда не будет детей.

– И тебя это не устраивает?

– Шел бы ты подальше... – процедил я. Прозвучало довольно жалко, и Эдгара это предложение не смутило.

– Я действительно могу помочь.

Напряжение в голосе исчезло. Спокойный тон. Холеное, гладко выбритое лицо. Светлые волосы коротко подстрижены по последней моде. Строгий серый костюм того делового стиля, что не менялся, наверное, с двадцатого века. Узкий галстук в тон рубашке.

Против воли я почувствовал, что начинаю ему верить. Конечно, его дружелюбие не бескорыстно... Но красный штамп заставляет цепляться за любую соломинку.

– Что вы можете сделать? Здесь написано, что операция невозможна.

Эдгар пожал плечами. И предложил:

– Может быть, поедем ко мне домой? Это недалеко, а у меня машина. Ты не против?

Я кивнул. Конечно же, не против.

Он жил в небольшом коттедже на берегу моря. К дому вела узкая бетонная дорога, сооруженная явно для одного. Что ж, высокий статус Эдгара ощущался с первого взгляда. В то же время рядом с домом не оказалось ни ангара, ни взлетной площадки для флаера. Похоже, Эдгар был из нелюдимых домоседов...

Однако сейчас я видел перед собой гостеприимного хозяина. Он поинтересовался, что я предпочитаю: чай, кофе или пунш. Усадил в удобное, явно любимое кресло возле камина, извинился и исчез на кухне. Через несколько минут вернулся с подносом, где, кроме дымящегося кофе, стояли миниатюрные бутылочки с коньяком и бальзамом. Осторожно отмеряя ложечку бальзама, я заметил, как Эдгар плеснул в свой кофе коньяку. Гораздо больше, чем необходимо для приятного вкуса. Волнуется? Пускай. Я ведь тоже на взводе, хотя и понимаю, что надежд на Эдгара мало. Мне может помочь лишь чудо.

Эдгар тем временем взял с журнального столика деревянный ящичек. Открыл, извлек короткую толстую сигару. Потянулся за массивной зажигалкой из такого же красноватого дерева...

– Не стоит, – негромко попросил я. – Иначе мне придется уйти.

Эдгар торопливо отложил сигару. С улыбкой произнес:

– Извини, Миша. Чуть было не забыл, что ты «нюхач». Лучший в мире, если верить газетам.

– Единственный в мире. «Нюхачи» – просто люди с тренированным обонянием. Они похожи на меня не больше, чем вентилятор на турбореактивный двигатель.

– Образно, но непонятно. До сих пор ты никак не проявлял своих способностей. Я даже решил, что ошибся и везу к себе вовсе не Михаила Кобрина.

Вот как. А утверждаешь, что забыл про мои способности. Нет, ты прекрасно о них помнишь, Эдгар. И сейчас размышляешь, смогу ли я сделать что-то, без чего тебе не жить...

Нарочито не обращая внимания на Эдгара, я вытер о салфетку и без того чистые пальцы. Примерился и быстрыми движениями извлек из ноздрей рыхлые, волокнистые комочки газовых фильтров. Бросил их в камин – синтетическое волокно фильтров теряет способность аккумулировать запахи примерно за полдня. И вдохнул – медленно, глубоко.

В глазах на мгновение потемнело. Потом зрение вернулось, предметы стали еще более четкими. А в воздухе повисла разноцветная, мерцающая, шелестящая паутина запахов...

– Уже год, как ты живешь здесь один, – тихо сказал я. – Три раза за это время к тебе приходили женщины. Всегда разные. А раньше ты жил с женой и двумя сыновьями. Они ушли от тебя – так, Эдгар? После этого ты стал пить, очень много пить. Коньяк, водка, виски, вино... Ты куришь – табак, а изредка и травку... С самого утра ты не курил ни того, ни другого, и сейчас тебе довольно неуютно... Что тебе рассказать еще?

– Хватит, Миша. Вполне хватит. – Эдгар ловко, не глядя, залил остатки кофе в чашечке коньяком. Залпом выпил. – Ты прав, почти во всем прав.

Странное выражение было у него на лице. Что-то из сказанного причинило ему настоящую, неподдельную боль. А что-то, наоборот, вселило надежду...

– Только в одном ошибка. Моя семья погибла, Миша. Отказало автоуправление флаера. Говорят, такое случается раз в год. Это оказался их год.

Он не врал. Очень легко определить, когда человек врет, а когда говорит правду. Меняется запах пота, так резко и неожиданно, словно передо мной внезапно оказывается совсем другой человек.

– Извини, – смущенно произнес я. – Я должен был понять сам. Все вещи остались в доме, и одежда, и косметика, и игрушки...

– Ты и это чувствуешь?

– Да.

Эдгар не мигая смотрел мне в глаза. Потом вполголоса произнес:

– Я очень рад, что нашел тебя, Миша. Мы поможем друг другу. Ты вернешь мне сына. А я подарю тебе полноценную семью. Такую, где будет не только твоя любимая девушка, но и ваш ребенок.

У меня закружилась голова. Запахи, тысячи, миллионы запахов чужого дома навалились на меня с чудовищной силой. Рецепторы, занимающие девять этмоидальных раковин в моей искореженной мутацией носоглотке, жадно впитывали информацию. Запахи людей, погибших год назад. Запахи пищи, съеденной прошлой осенью. Запахи давным-давно выпитых вин... Я даже не мог переспросить Эдгара, не мог узнать, чего он хочет от меня, не мог встать, не мог шевельнуться. В клубящейся какофонии запахов, звуков и цветов почти терялся слабый, далекий голос Эдгара...

– Ты когда-нибудь задумывался, почему мы все так стремимся иметь детей? Парни твоего возраста влюблялись и мечтали о свадьбе во все времена. Но никто из них не собирался немедленно заводить ребенка. А многие ухитрились прожить всю жизнь, не имея детей и не чувствуя себя ущербными.

Новая нитка в дрожащем цветном узоре. Булькающий звук наливаемого коньяка. Сложный рисунок запаха...

– Мы – раса уродов, Миша. Раса генетических уродов. Мы исковеркали себя авариями атомных реакторов и химических заводов. Мы проводили мутации, которые должны были сделать нас лучше... Лучше, чем мы могли быть. Ты ведь тоже результат этих экспериментов, Миша. И прекрасно знаешь им цену... иначе не ходил бы с фильтрами в носу, стараясь забыть о даре, которым тебя наделили. Мы здоровы телесно, но в наших телах спят генетические бомбы, проклятие будущих поколений. Дети-дебилы, без ног и пальцев, без ушей и волос. Дети, кото-

рые не должны родиться. Вот откуда наши генетические центры, наши проверки на взаимную совместимость. Лишь одна пара из восьми получает право иметь детей друг от друга. Для других – генетические доноры, приемные дети... А то и полная стерилизация. То, что всегда было нормой, стало исключением. Предметом гордости. Показателем собственной полноценности.

– Не читай мне лекций, Эдгар, – прошептал я. – Да, я хочу быть полноценным. И хочу жить с девушкой, которую люблю. Неужели я виноват, что ее предки обитали рядом с хранилищами радиоактивных отходов и чадящими фабриками?

– Конечно, нет, Миша. Мы расплачиваемся за чужие грехи. А ведь это несправедливо.

– Прошлое не изменишь, – с невольной горечью сказал я. – И что толку в том, справедливо оно или нет.

– Как знать, Миша.

Я прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Задержал на мгновение дыхание, разгоняя цветной туман перед глазами. И посмотрел в лицо Эдгара – посмотрел человеческим взглядом, а не сверхзрением «нюхача».

– Что ты хочешь мне предложить, Эдгар?

Он колебался. Все еще колебался, разглядывая меня сквозь заполненное алкогольными парами сознание.

– Вначале ответь, Миша... Ты согласен нарушить закон, чтобы помочь мне и себе?

– Да.

– Ты уверен?

– Да.

– Скажи... ты смог бы отличить запах моего родственника... например, сына, от запахов других людей? Найти его среди тысячи чужих, незнакомых?

– Я проделал это десять минут назад.

Эдгар кивнул, соглашаясь. И заговорил, быстро, словно боясь передумать:

– Моя семья погибла, Миша. А еще за два года до этого я попал под облучение. Детей у меня больше не будет. А ведь мой генотип был близок к эталонному. Здоровые предки, никаких мутаций и наследственных болезней. Я даже был генетическим донором три с половиной года... В двух десятках семей растут мои дети, понимаешь?

– Ты хочешь, чтобы я нашел их? Это не просто незаконно, это невозможно. Я не могу обнюхать миллионы людей.

– Речь не идет о миллионах. Мне стали известны, абсолютно случайно, дата и город, где родился мой сын. У тебя будет список из тысячи семей, которые нужно проверить. Найди его, найди моего сына! Остальное я беру на себя.

Я кивнул. Тысяча семей, тысяча мальчишек, не подозревающих, что они приемные дети. Работы на полгода, на год. Я могу совершить эту подлость, могу сравнить их запах с запахом Эдгара. Выделить десяток ароматических групп, составляющих неповторимую индивидуальную карту человека по имени Эдгар. И найти мальчишку, у которого окажется половина из них.

– А как ты собираешься помочь мне?

Эдгар подобрался, как перед прыжком в холодную воду.

– Я работаю в Темпоральном Институте. Руководителем экспериментальной группы.

Я понял. И почувствовал, как по коже прошелся холодок. Я сделаю для Эдгара подлую, незаконную вещь.

А он совершит подлость для меня.

Кабина спортивного флаера не отличается комфортом. Одно-единственное кресло, не слишком мягкое и не способное превратиться в кровать. Зато это очень быстрая, маленькая и незаметная машина. Как раз то, что нужно.

Потягивая через соломинку лимонад – не слишком холодный, мне всегда приходилось беречься от простуды, – я проглядывал отпечатанный на бумаге список. Эдгар не хотел доверять его компьютерам – и был прав.

В городке, куда я прилечу на рассвете, живут три семьи, внесенные в список «подозреваемых». Сейчас ночь, и они мирно спят, не зная о том, как хрупок их покой. Наше время отвыкло от преступлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.